

а потомъ и мы попались. Ихъ освободили, а намъ вотъ по пятнадцать лѣтъ каторги дали. У всѣхъ жены, дѣти остались...» Такъ мы, батюшка, и разговаривали всю дорогу, все веселѣе было. Все свои люди, станичники.

На второй день вечеромъ селеніе какое-то показалось. Обрадовались всѣ. «Какъ ни какъ, думаемъ, хоть отъ дождя на минутку спрячемся, и ноги отдохнутъ». Въ село вошли еще засвѣтло. Идемъ по улицамъ, хлѣба просимъ. Отощали такъ, что бѣда. У кого и крошки въ сумакъ не осталось. Иные давали намъ Христа-ради, а иные только бранятся. Чистые нехристи. Кричатъ на насъ: «Воры! Душегубцы! Арестанты!». Оно, конечно, правильно, есть и воры, есть и разбойники, только не всѣ же одинаковые. Ну, хоть бы я, на примѣръ. Какой изъ меня воръ али убивецъ? Ноги чуть передвигаются. Э, да Богъ съ ними! Не намъ ихъ судить.

Привели насъ прямо къ сараю какому-то, да тамъ и замкнули на ночь, лампочку дали.

Ходимъ мы по сараю, хлѣбъ жуемъ, мѣстечко поспать отыскиваемъ. Только слышу я—трескъ, трескъ подъ ногами. И другіе тоже чувствуютъ. Словно бы вотъ песокъ какой. Наступишь, а онъ и скрипитъ, и скрипитъ. Стали мы осматривать. Что, молъ, это такое? Лампу со стѣны сняли. Глядимъ и глазамъ своимъ не вѣримъ... Лучше бы ужъ и не смотрѣть, право. Такъ морозомъ и подернуло. Весь полъ сѣрый! И по стѣнѣ, и по нарамъ кишмя-кишатъ... Смахнулъ я шапкой доску одну, положилъ сумочку въ головы, повязался платкомъ и легъ себѣ съ Богомъ—да такъ сразу и уснулъ, усталъ больно, и всѣ уснули. Утромъ разбудили насъ, хлѣба намъ принесли, воды горячей. И прожили мы въ этомъ темномъ сараѣ два дня. За дверь никого не пускали. Духота сперлась такая и тѣснота тоже.

Черезъ десять дней только пришли мы въ городъ. Тутъ ужъ насъ въ настоящую тюрьму посадили. И довелось мнѣ на вѣку своемъ порадоваться тюремѣ-матушкѣ. И всѣ были рады. Все не то, что въ сараѣ. Въ тюрьмѣ этой держали меня цѣлый мѣсяцъ, дожидался я очередного этапа въ свою сторону. Много и здѣсь горя видать пришлось. Одинъ разъ...»

На этомъ мѣстѣ и оборвалось письмо Онисимыча. Должно-быть послѣдній листокъ былъ затерянъ. Не пришлось мнѣ больше и о. Александра увидать. Онъ какъ-то вдругъ перемѣнилъ жизнь свою, въ монастырь ушелъ.

Л. Быстровъ.

Обитель мира.

Прямая, широкая лѣсная дорога.

Высоко вверхъ вскинулись могучія корявыя сосны и тихо гудятъ зелеными вершинами. Тонкіе, оголенные стволы рябинъ изогнулись въ сторону дороги, гдѣ ихъ бѣдную, чахлую листву нѣжатъ лучи полуденнаго солнца.

Иногда черезъ дорогу перекинется затѣйливо вьющаяся «плавунъ-трава». Толстые корни сосновыхъ гигантовъ вылѣзли изъ земли и избороздили дорогу.

Незамѣтно отмѣриваются версты.

Прохлада и полутьма могучаго бора такъ пріятны въ лѣтній зной и облегчаютъ дорогу.

Пахнетъ смолой.

Но вотъ мѣстность начинаетъ замѣтно понижаться; могучіе сосновые гиганты перемѣшиваются съ бѣлоствольными стройными березами и постепенно рѣдѣютъ. Только по обѣимъ сторонамъ дороги низкорослый подлѣсокъ образовалъ густую непролазную заросль и сузилъ широкую дорогу до узкой тропинки.

Почва подъ ногами начинаетъ колебаться, сапоги все глубже и глубже уходятъ въ грязь.

Внимательно смотришь внизъ и выбираешь мѣсто посуше.

Вдругъ за поворотомъ тропинка расширяется и передъ вами, на пространствѣ нѣсколькихъ сажень, непроходимое болото грязи. Направо—маленькій прудикъ и по берегу его жидкія, скользія клады.

Тихо журчитъ ручеекъ.

За кладями мѣстность сразу повышается, болото пропадаетъ и вы видите высокій сухой холмъ, покрытый молодымъ березнякомъ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ здѣсь не было лѣса и по холму мирно паслись стада сосѣдней деревни.

На вершинѣ холма стоитъ сторожка лѣсника, а немного далѣе—часовня.

Это—«Никита мученикъ».

Когда-то здѣсь высился деревянный храмъ во имя этого святого, перевезенный впоследствии въ г. Егорьевскъ.

А на мѣстѣ храма построили часовню.

Низкое каменное зданіе будто вросло въ землю. Сѣрыя стѣны мѣстами обросли мхомъ. Деревянная, странной архитектуры крыша окрашена въ темно-красный цвѣтъ.

Черезъ низкую деревянную дверь вы входите внутрь — и останавливаетесь въ смущеніи.

Что-либо подобное вамъ врядъ ли приходилось видѣть.

Сквозь узкое рѣшетчатое окно скудно проникаетъ лѣсной сумракъ и поглощается сѣрымъ камнемъ. Низкій потолокъ теряется во мглѣ. Прохладно. Восковая свѣча колеблется мерцающимъ свѣтомъ и легкія тѣни пробѣгаютъ по вдумчивымъ ликамъ Николы угодника и Никиты мученика. Какъ спокойно, какъ торжественно-важно смотрятъ они!

Ихъ покоя не нарушаютъ блескъ и торжество городскихъ храмовъ. Тишина лѣснаго царства оберегаетъ ихъ.

Остальныя иконы видны совсѣмъ плохо.

Напѣво у окна—большая мѣдная кружка для сбора пожертвованій, направо—аналой. На немъ три - четыре книги въ старинныхъ, кожаныхъ, пожелтѣвшихъ отъ времени переплетахъ и нѣсколько свѣчей.

Вотъ и все.

Какъ просто и вмѣстѣ какъ торжественно! Эта простота убранства заброшенной въ лѣсной глуши часовни и составляетъ всю ея прелесть. Она даетъ ей тонъ, особенный, «не отъ міра сего». Ничто не напоминаетъ здѣсь храма и настроеніе совсѣмъ не такое. Не хочется, жаль уходить отсюда. Сидишь на порогѣ, смотришь на лики святыхъ угодниковъ и думаешь. И мысли, торжественныя и немного печальныя, витаютъ далеко, далеко...

Обитель мира...

Но не всегда бываетъ здѣсь такъ спокойно и тихо.

Раза два-три въ годъ по лѣсной широкой дорогѣ движутся многочисленные толпы народа съ духовенствомъ и хоругвями. Гулко разносятся по лѣсу слова молитвъ стариннаго напѣва и замираютъ вдали. Идутъ молиться къ «Никитѣ мученику».

Въ толпѣ вы найдете и старообрядцевъ, и церковныхъ.

Когда идутъ въ «обитель мира», нѣтъ различія въ вѣрѣ. Это мѣсто почитается всѣми, и каждый — старообрядецъ и церковный—идутъ сюда за совѣтомъ и молитвой. «Обитель мира» всѣхъ примиряетъ, всѣхъ утѣшаетъ.

Въ часовнѣ служатъ молебенъ, другой... Потомъ черезъ лѣсъ, по узкой извилистой тропинкѣ идутъ къ колодцу, служатъ еще.

У колодца—старый, покосившійся крестъ. Колодецъ мелокъ, но вода въ немъ необыкновенно холодна, вкусна и прозрачна.

Сюда крестьяне носятъ купать младенцевъ. Исторія колодца окутана прелестными народными легендами, въ которыхъ вѣра перемѣшана съ суевѣріемъ, но много чувства. Вамъ расскажутъ, что въ этомъ колодцѣ явился когда-то старинный образъ Никиты мученика, а произошелъ онъ отъ того, что, когда стали перевозить отсюда храмъ, большой колоколъ сорвался съ колокольни и ушелъ глубоко въ землю. И сталъ колодецъ.

И много другихъ красивыхъ легендъ расскажутъ вамъ.

Обитель мира!..

Я не знаю, но кажется мнѣ, что именно благодаря этой маленькой сѣрой часовнѣ и легендарному колодцу у насъ такъ рѣдко проявляется антагонизмъ между «церковными» и старообрядцами. Не слышно ни ругани, ни насмѣшекъ. Общая любовь къ одному святому мѣсту, посѣщаемому и почитаемому всѣми, примирила враговъ. И думается мнѣ, что если бы побольше было на Руси такихъ «обителей мира», куда легче жилось бы старообрядцамъ.

А. Муравлевскій.

У „обители мира“.

„Обитель мира“—это маленькая часовня, названная такъ нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ А. Муравлевскимъ въ описаніи его впечатлѣній при посѣщеніи имъ этой обители, помѣщенномъ въ № 12 „Старообрядческой Мысли“ за 1911 годъ.

Эта „обитель мира“, такъ художественно имъ описанная, находится всего верстахъ въ 9—10 отъ шумнаго г. Егорьевска среди густаго высокаго лѣса, принадлежащаго А. В. Клопову, купцу-старообрядцу, и, несмотря на эту близость къ шумному городу, она своимъ мѣстоположе-

У „обители мира“. Молебенъ о дарованіи побѣды.

ніемъ именно вызываетъ тѣ высокія, благодушныя, религіозныя настроенія, что описаны г. Муравлевскимъ. Густой высокій лѣсъ васъ сразу проглатываетъ при вступленіи въ него и отрѣзываетъ отъ внѣшняго міра, давая впечатлѣніе глубокой пустынной удаленности отъ человѣческой скученности и отъ всей житейской суеты; а самая часовенка „Никиты мученика“, своею незатѣйливостью постройки и внутреннимъ полусумрачнымъ помѣщеніемъ, уставленнымъ темными иконами и необходимыми незатѣйливыми предметами религіознаго быта, вызываетъ чувства особой религіозной настроенности. Близъ лежащій источникъ, слывшій въ народѣ чудодѣйственнымъ и окруженный предметами полусуевѣрныхъ почитаній, дополняетъ это настроеніе. Попавъ въ эту среду, вы сразу чувствуете, что вы попали на ту грань

религиозныхъ вѣрованій народа, гдѣ его простая вѣра сливается съ легендами и суевѣріями. Всюду на кустахъ, деревьяхъ вы видите развѣшанными мужскія и женскія сорочки, оставленныя приходившими къ источнику за исцѣленіемъ различныхъ недуговъ своихъ, а на днѣ источника мѣдныя, а то и серебряныя монеты.

Почитаніе этой „святой мѣстности“ относится къ довольно глубокой старинѣ. Здѣсь, именно тамъ, гдѣ теперь стоитъ маленькая часовенка, почти рядомъ, когда-то стояла деревянная церковь св. Никиты мученика, но церковь эту, однажды ночью, сразу всю разобрали и сразу на 500 подводахъ перевезли въ г. Егорьевскъ и поставили на кладбищѣ, гдѣ она стоитъ и понынѣ.

На ея мѣстѣ остался въ настоящее время только одинъ большихъ размѣровъ голышъ, служившій, очевидно, когда-то фундаментомъ. По рассказамъ стариковъ, голышей этихъ было много, но ихъ въ свое время окрестные крестьяне, своими трудами, разбивали на мелочь и возили въ Егорьевскъ, продавая для замощенія улицъ. Тамъ же было и кладбище, а вокругъ засѣянные поля. Нынѣ уже ничего этого нѣтъ; и слѣдовъ почти не осталось. Мѣстность церкви и кладбища называлась „Погостъ Гвоздинка“ и принадлежала причту г. Егорьевска, очевидно, какъ дарственная земля какого-либо вымершаго рода помѣщиковъ. Церковь, если вѣрить надписи на доскѣ, хранящейся въ этой церкви въ г. Егорьевскѣ, была выстроена въ 1698 году Сергѣемъ Ивановымъ изъ деревни Цотаповской и другими ему помогавшими, а въ 1792 г. она была „обыденными“ перевезена въ г. Егорьевскъ и поставлена на Егорьевскомъ кладбищѣ, гдѣ стоитъ и понынѣ.

Землю подъ церковью, полями причтъ продалъ купцу Клопову В. Д., а этотъ послѣдній запустилъ ее подъ лѣсъ, и нынѣ этотъ лѣсъ уже достаточно великъ. Почитаніе этой мѣстности не умерло въ народѣ и по перенесеніи церкви, въ особенности почитаніе источника, на которомъ и явилась икона св. великом. Никиты. Народъ всегда ходилъ туда, неся свои горе и печали, чая утѣшенія въ скорбяхъ и исцѣленія отъ недуговъ своихъ, и по вѣрѣ своей получалъ искомое. Во всѣ дни тяжелыхъ гоненій на старообрядчество не умирала эта вѣра и не переставалъ народъ одинаково, какъ древлеправославный, такъ и новообрядовый, паломничать къ этой чтимой святынѣ.

Мѣстность, окружающая это имѣніе, въ огромномъ большинствѣ заселена старообрядцами, и потому особеннаго давленія отъ новообрядцевъ старообрядчество здѣсь не испытывало, а благодаря тому, что старообрядцы были терпимы къ сосѣдямъ новообрядцамъ, они и взаимно получали то же. Миссіонеровъ же, да и не только миссіонеровъ, но даже поповъ господствующаго исповѣданія не было поблизости, а потому жители того и другого исповѣданія жили мирно и почитали обоюдно общую святыню.

Постепенно, съ ослабленіемъ давленія на старообрядчество, паломничество къ „Никитѣ мученику“ увеличивалось, и тамъ, въ опредѣленный

день, въ годъ однажды, стали служить общій молебенъ со священникомъ, а послѣ 17 апрѣля 1905 г. уже начались паломничества и съ крестными ходами изъ приходовъ: Панкратовской, Челхово, Климово и Клошиково.

Съ каждымъ годомъ число молящихся возрастаетъ. Интересъ къ паломничеству увеличивается, и потому владѣльцу имѣнія пришлось кое-что предпринять въ смыслѣ благоустройства для удобства крестныхъ шествій, совершенія молебствій у часовенки и водосвятий у источника. Къ часовенкѣ, на всемъ пространствѣ Клоповскаго владѣнія, вырублена широкая просѣка и продѣлана дорога, дающая крестному ходу свободу шествія, у часовенки

У „обители мира“. Водоосвященіе на источникѣ.

выравнено большое четырехугольное плато, заботливо расчищенное; отъ часовни до источника, на протяженіи сажень трехсотъ, также сдѣлана просѣка и насыпана дорога, окаймленная деревянною рамою. Мѣсто у источника поднято и также задѣлано въ раму. Самый источникъ задѣланъ въ бетонъ. Въ будущемъ предполагается водоемъ источника расширить и построить надъ нимъ шатеръ 15 аршинъ въ квадратъ на случай защиты совершителей водоосвященія и молящихся отъ непогоды и зноя. Часовня тоже предполагается къ постройкѣ вновь и уже въ болѣе обширномъ видѣ.

Въ этомъ году крестный ходъ туда совершался въ воскресенье 3 мая. Погода была теплая, мягкая, солнечная, благодаря чему стеченіе молящихся было особенно велико. Молебенъ служился у часовни, а водоосвященіе у источника. Въ молебствіи участвовало 5 священниковъ и 1 діаконъ. По

У „обители мира“. Разборъ воды у источника.

окончаніи молебствія было сказано однимъ изъ священниковъ (о. Бѣлоусовъ) приличествующее случаю слово.

Молебствіе закончилось около 3 ч. пополудни.

Н. Зенинъ.

Долгъ христіанина.

Каждому истинно-вѣрующему христіанину полагается всякій день исполнить обрядъ христіанскій: сначала помолиться Богу, а потомъ вкушать. Но можно ли исполнять этотъ долгъ нашимъ защитникамъ родины, призваннымъ на войну, когда имъ, быть-можетъ, приходится каждую минуту отражать врага и сидѣть цѣлые дни голодными. Такъ множеству изъ нихъ пришлось встрѣтить и Свѣтлый Христовъ праздникъ не въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ, не съ праздничными закусками, а, быть-можетъ, встрѣтить пришлось въ тотъ день цѣлый градъ свистящей картечи и пуль. Другимъ судьба иная. На этотъ Великій Свѣтлый день мнѣ пришлось встрѣтиться съ земляками, ѣдушими изъ Россіи въ Манчжурію. Не забыли призванные и въ пути исполнить своего долга христіанскаго. Несмотря на запрещеніе своего начальства, они тайкомъ ушли отъ своего поѣзда, который стоялъ съ небольшимъ часъ или два. Въ нашемъ сибирскомъ городѣ, хотя и многолюдномъ, старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, немного. Благодаря ревностнымъ христіанамъ и любителямъ пѣнія, прихожане захотѣли имѣть у себя пѣніе церковное по напѣву Морозовскому. Для этого ими выписанъ отъ г. А. И. Морозова учитель пѣнія и образо-